

<https://www.doi.org/10.33910/1992-6464-2021-201-99-109>

Н. Н. Гончарова

**АЛЛЮЗИИ К ПРИТЧЕ О ДЕСЯТИ ДЕВАХ В «СТЕПИ» А. П. ЧЕХОВА
И НОВЕЛЛЕ КЭТРИН ЭНН ПОРТЕР
«КАК БЫЛА БРОШЕНА БАБУШКА ВЭЗЕРОЛЛ»**

В статье рассматриваются аллюзии к притче о десяти девах в произведениях двух мастеров малой прозы, А. П. Чехова и Кэтрин Энн Портер. Показано, что писатели, религиозный опыт которых по существу различен, используют сходную образность для выражения мысли о предназначении человека и о его взаимодействии с окружающими. Аллюзия реализована посредством бинарных оппозиций: бодрствование/сон, мудрость/неразумность, свет/тьма, избыток/недостаток и спешка/промедление. Вспомогательную функцию выполняют реминисценции книги Откровение Иоанна Богослова, книги Исход, а также притчи о бодрствующих рабах. Новизна исследования заключается в том, что, насколько известно нам, сопоставительный анализ данных произведений на основе общности аллюзий еще не выполнялся.

Ключевые слова: притча о десяти девах, «Степь», «Как была брошена бабушка Вэзеролл», А. П. Чехов, Кэтрин Энн Портер.

N. Goncharova

**ALLUSIONS TO THE PARABLE OF THE TEN VIRGINS IN ANTON CHEKHOV'S
"THE STEPPE" AND KATHERINE ANNE PORTER'S
"THE JILTING OF GRANNY WEATHERALL"**

This paper deals with the allusions to the parable of the ten virgins in the works of two masters of small prose, Anton Chekhov and Katherine Anne Porter. It is shown that the writers, whose religious experience is essentially different, use the same imagery to express the idea of a man's mission and his/her interaction with other people. The allusion is actualized by the following binary oppositions: awake/asleep, wise/foolish, light/dark, abundant/scarce, and fast/slow. An ancillary function is assigned to the reminiscences of the Revelation of St John the Divine, the Book of Exodus, and the parable of the watchful servants. What makes the study novel is that, to our knowledge, it is the first comparative study of the two works in question based on common allusions.

Keywords: the parable of the ten virgins, The Steppe, The Jilting of Granny Weatherall, Anton Chekhov, Katherine Anne Porter.

Характер религиозности А. П. Чехова (1860–1904) и Кэтрин Энн Портер (1890–1980) различается по существу. Так, например, «любовь [Чехова] к обрядовой стороне православия, колокольному звону, к красоте святой фразы, знание и виртуозное использование библеизмов» нередко носила «эстетический, стилистический» характер [14, с. 92–93]. Случалось, что вера в его произведениях служила «источником раздраже-

ния и семейного разлада» и «уживалась со страшными деяниями» [14, с. 94]. Многообразные формы религиозности подтверждали «неубедительность или произвольность любых претензий абсолютизировать ту или иную [ее] разновидность». В письме к С. П. Дягилеву от 30 декабря 1902 года писатель назвал современную ему культуру «работой, “которая будет продолжаться, может быть, еще десятки тысяч лет для того,

чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога — т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре» [14, с. 95]. Мировоззрение Чехова сближаемо с «синтезом дарвиновского метода и христианской концепции человека» толка, например, Пьера Тейяра де Шардена [14, с. 96].

Религиозная вера Кэтрин Энн Портер, напротив, носит мистический характер. В 1918 году писательница, тяжело болевшая гриппом, испытала «блаженное видение», которое, по всей вероятности, и было описано в новелле «Как была брошена бабушка Вэзеролл» [29] (нумерация страниц в книге отсутствует). Вера была движущей силой ее творчества: «... всю свою сознательную жизнь я ощущаю мрачную угрозу мировой катастрофы и почти всю энергию мысли и духа трачу на то, чтобы понять смысл этой угрозы, проследить ее истоки и понять логику великого и ужасного поражения человека в западном мире. ... Искусство не умирает, и оно поистине живет верой...» [1, с. 558].

Цель статьи заключается в проведении сопоставительного исследования указанных произведений в контексте новозаветной притчи о десяти девах (Мф. 25:1–13). Мысль об аллюзии к этой притче в заключительном абзаце новеллы Портер высказывалась исследователями [29; 1]. В «Степи» А. П. Чехова такие аллюзии наиболее отчетливо выражены в шестой главке (в ней же употребляется и слово «притча»). Анализ выявил, что средством реализации аллюзий служат общие бинарные оппозиции: *бодрствование/сон*, *мудрость/неразумность*, *свет/тьма*, *избыток/недостаток* и *спешка/промедление*.

Притча о десяти девах рассматривается как «призыв к духовному бодрствованию... покаянию» [11, с. 530]; образ светильников принято воспринимать как «добрые дела», «дела милосердия», масло — как «любовь» [11, с. 526–527]. Представляется, что обращение к притче помогает не только подвести итог «исследованию человеческого разума,

напряженно ищущего примирения с утратой и смертностью» [29], но и проанализировать современные общественные отношения, взяв за образец учение Иисуса Христа.

Оппозиция *бодрствование/сон*

Мотив сна является одним из основных в новелле Портер (обнаружено пять контекстов); главная героиня воспринимает жизнь как заправленную кровать: «... a person could spread out the plan of life and tuck in the edges orderly» [3, с. 104] (в дальнейшем ссылки оформляются в виде номера страницы в круглых скобках). Женские образы «Степи» связаны с состоянием сна, смерти или с темным временем суток, а также с ощущением тоски, которое соотнесено с оцепенением природы. Примечателен образ узла, встречающийся и в притче о бодрствующих рабах (Лк. 12:35). Вещи Егорушки собраны в узелок (в первую ночевку на возу он кладет его под голову); на постоялом дворе «мысли [мальчика] путались, как нитки» [4, с. 131] (в дальнейшем ссылки оформляются в виде номера страницы в круглых скобках) [30]. Лицо бабушки Вэзеролл, сердившейся на Корнелию, «затянулось в тугие узлы» («Granny felt her face tying up in hard knots» (102)), причем, как и в «Степи», понятие узла соотносится с мыслительным процессом: «Can't a body think, I'd like to know?» (104). Препоясывание обозначает «готовность выступить в путь» (оно было «необходимо для быстрой ходьбы или бега») и, в конечном счете, «восходит к заповеди о вкушении пасхального агнца» (Исх. 12:11) [11, с. 290–291].

Оппозиция *мудрость/неразумность*

Представления о мудрости в «Степи» наиболее ярко выражены в образе «умной да разумной» (171–172) жены Константина Звонька (вызывающем в памяти описание дочери Ноздрева мужем). «Сама глупость» (174) связана с Кирюхой. Выражение его лица, «глупое, ошеломленное, как будто кто незаметно подкрался к нему сзади и хватил его обухом по голове» (151), ассоциируется

с «эффектом неожиданности», производимым вторым пришествием Иисуса Христа.

В новелле члены оппозиции *мудрость/неразумность* объединены в образе главной героини. Вспоминая о письмах к жениху и к мужу, хранившихся на чердаке, она называет себя «глупой» (104), однако считает, что с возрастом «поумнела» («she had better sense now» (106)). Этому способствовало и огораживание участка (в частности, копанье ям под столбы), перекликающееся с 1-м стихом 9-й главы Притчей Соломона, в котором описаны приготовления Премудрости к пиру (фамилия Weatherall, возможно, имеет некоторое отношение к этому процессу: первоначальная форма «Wetherall» обозначает «удаленное место, в котором держат валухов» [5]). Однако призрак Хепси заключил, что мать, по сути, все та же. И действительно, ее желание помириться с Джорджем было неискренним. Мудрость бабушки «от мира сего»: «Now, Mammy, you've a good business head...» (108).

Эффект неожиданности, контекстуально сближенный в «Степи» с глупостью (см. выше), выражен и в новелле Портер. Он связан с приходом смерти, к которому бабушка не была готова (ср. с образом узла в понятийной области оппозиции *бодрствование/сон*): «But I can't, it's not time. Oh, I always hated surprises»; «I'm taken by surprise» (122).

Оппозиция *свет/тьма*

Свет и тьма тесно связаны с оппозицией *мудрость/неразумность*: «Ученье, как говорится, свет, а неученье — тьма...» (108), — поучает о. Христофор. Появление Константина — «мигавший свет точно расступился, с глаз спала завеса» (169) (аналогичный эффект производит приезд графини Драницкой на постоянный двор) — напоминает о знаменнии, которое сопровождало смерть Иисуса Христа, разрывании завесы в Иерусалимском храме, а также о чуде, сопровождавшем гибель мч. Диомида Тарсянина (жена Звонька родом из Демидова), ослеплении и прозрении

воинов, отсекавших святому голову [10, т. 2]. Пятна костра напоминают вишни [9], контрастирующие с маком [24] как атрибутом подземного царства. Тонкоголосый Звоньк противопоставлен жене и Егорушкиной бабушке, которые связаны с царем богов: «Демид» (ср. топоним «Демидово») происходит от *греч.* *Dios*, «Зинаида» — от *греч.* *Zeus* [21]. Примечательна фамилия «Вахраменки»: один из подвигов св. апостола Варфоломея заключался в умерщвлении змеи ехидны.

Оппозиция *свет/тьма* в новелле выражена в основном в образе бабушки; ее имя (Эллен), возможно, восходит к форме женского рода *греч.* *helenos* «the bright one» [6]. Тьма представлена и в образе тумана, поглощающего деревья, который уподоблен «войску призраков» («an army of ghosts» (110)), а также «вихря темного дыма» («a whirl of dark smoke»), накрывшего старательно засеянное «светлое поле» («the bright field» (112)); с последним сравнивается отчаяние, охватившее бабушку у алтаря. Этот образ вызывает в памяти суд, возвешенный пятой трубой, — нашествие саранчи из «дыма» (Отк. 9:3) (цитаты из Библии приведены по изданию: [27]). Саранче «дано... мучить пять месяцев» (9:5), весенне-летний период [20]. Цикада и муравей (бабушка считает, что у нее в кровати муравьи) — главные герои одноименной басни Эзопа. Ср. эпизод «Степи», в котором кузнечик, пойманный Дениской, отъедает живот мухе. Кузнец в народном сознании связан с зимой, сковывающей природу, когда солнце, как и ночью, не греет [8, т. 1]. Идея танца (ассоциирующегося с вихрем, который разгоняет мрак [8, т. 1]) выражена в двух контекстах: «...the forked green vein danced and made her eyelids twitch» (100); «A shuffle of leaves in the everlasting hand of God, He blew on them and they danced and rattled» (114). В первом примере танец сопряжен с глазами; в обоих примерах — с растительностью («зеленая жилка», «листья»), а в последнем также и с грохотом.

Части «Степи» связаны, по известному выражению А. П. Чехова, как пять фигур кадрили. Описание пола в горнице Мойсея Мойсеича перекликается с картиной бала из «Мертвых душ»: «...четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали пол, и армейский штабс-капитан работал и душою и телом, и руками и ногами...» [2, с. 179]. С последним можно сблизить образ мельницы. Ветряной мельнице уподоблено в народе солнце, танцующее 24 июня [13]. Танцем был отмечен переход израильянами Красного моря (Исх. 15:20). Согласно «Золотой легенде» Иакова Ворагинского, св. Христофор переносил через реку Христа в образе ребенка, вобравшего в себя тяжесть всего мира (среди аллюзий к этому рассказу отметим относящиеся к такому же «малорослому», как и священник, Варламову: «На таких людях, брат, земля держится» (175), «...как будто Варламов стал тяжелее» (176)). В католических странах память святого приурочена к иоанновским дням [13]. Примечательно сравнение путешествия Егорушки с путешествием Ломоносова: «...так же вот с рыбалями ехал...» (108); проведем аналогию: Константин ходил по степи, держа в руках дрохву (птица — распространенный символ солнца). Хозяин постоялого двора, на котором ночевали убитые купцы, Игнат Фомин, носит имя смч. Игнатия Богоносца, получившего свое прозвание, «потому что он был носим руками Воплощенного Бога, а также потому, что он носил Бога в сердце своем и в устах, будучи сосудом, подобным святому Апостолу Павлу» [10, т. 3, с. 1011], что сближает его со св. Христофором. Добавим, что капитан Копейкин, образ которого вызывает в памяти штабс-капитан, напоминает вмч. Георгия: «копейкой» называли монету с изображением ездца, державшего в руке копьё [28]. Одним из орудий мучений святого были сапоги — ср.: «...каблуки ломали пол...» (ср. тж. метафору танца как вихря (см. выше)). Примечательно, что в лавке великоросса, пол которой сближают на основе танца с полом на постоялом дворе Мойсея Мойсеича [30],

Егорушка, носящий имя вмч. Георгия, купил на копейку подсолнухов.

С оппозицией *свет/тьма* связано число пять и кратные ему числа. Приведем примеры из шестой главки: медными пятаками были прикрыты в гробу глаза бабушки; пять человек (бабушка, мать, о. Христофор, графиня Драницкая и Соломон) «воображены» (см. 161) Егорушкой мертвыми; около пяти верст разделяли «разбойничье гнездо» (165) и ближайшую деревню; спасенный купец пожаловал Пантелею пять лобанчиков; пять человек, «хозяин с хозяйкой и три работника» (165), напали на купца Петра Григорьича (примечательно, что пять купцов названы в повести по фамилии); «раз десять» (172) был бит отцом Звоньк; двугривенный просит за убитую дрохву Константин. Цена последней возрастает (как и цена пряника Розы [30]) до полтинника, и два последних числа «разделяют» пятнадцать верст; двадцать пять верст — расстояние между Ровным, где жил Константин, и Демидово, откуда родом его жена, семья которой имела «три пары волов и двух работников» (172). У бабушки Вэзеролл пять детей; пять раз она зовет Хепси, «встречу» с призраком которой трактуют как «знак спасения» [29]. В предсмертном бреду ей показалось, что между первым и вторым визитом врача прошло пять минут, тогда как на самом деле — целый день: доктор Гарри приходил утром и ночью.

Число пять контекстуально связано с числом шесть. Примечателен, например, образ шести косарей и шести овчарок из первой главки «Степи», шести детей Мойсея Мойсеича, уподобленных гидре, шести подводчиков; шесть — «антитетический двойник» девяти, примерный возраст Егорушки — девять лет [16, с. 49] (у гидры девять голов). Образ шести бутылок вина, обещанныхestre Борджия (*араб.* burdz ‘башня’ [5]) вызывает в памяти «яростное вино блуда», которым Вавилон «напоил все народы» (Отк. 14:8). Заметим, что отец бабушки считал употребление «крепкого горячего пунша» (106) причиной своего долголетия. Отсюда

интересен образ аметистового набора, завещанного Корнелии. Происхождение аметиста, служащего для украшения двенадцатого основания стены нового Иерусалима, связывают с именем нимфы Аметис, которую превратила в камень Артемида, защищая от Диониса; его цвет напоминает «сильно разбавленное красное вино, от которого уже нельзя опьянеть. Возможно, поэтому аметист считают также символом преданности» [26, с. 32]. Примечательно и то, что имя *Cornelia* созвучно англоязычному названию камня сердолика (*carnelian* — от *лат.* *carnem* [6]), которым украшено шестое основание стен. Название сердолика, известного в Древнем Египте как «застывший в камне закат солнца», восходит к *греч.* *Sardolith* «камень из Сарды — столицы древней Лидии» [26, с. 128] — таково имя второй дочери, унаследовавшей участок в сорок акров.

Оппозиция избыток/недостаток

Тьма, мгла служат атрибутами мамоны: мудрые девы отправили неразумных к продающим, что и помешало последним пойти с Женихом на брачный пир. По словам Иоанна Златоуста, «отсутствие масла в светильниках неразумных дев свидетельствует об их скупости: “ибо нет ничего глупее тех, которые собирают здесь деньги, и отходят без всего туда, где особенно нужно человеколюбие и много елей”» [11, с. 526].

К купцу, торговцу благовониями, обращаются и жены-мироносицы в средневековых европейских пасхальных действиях. Его сближают с Лекарем из английской пьесы ряженных под названием «героический поединок», роль которого заключается в оживлении убитого в поединке св. Георгия или его противника, Турецкого рыцаря, Капитана Рубаки и т. п. [7]; в новелле им соответствуют Джордж и Джон. Джон, спаситель брошенной у алтаря невесты, «ругался, как корабельный попугай...» («He had cursed like a sailor's parrot...» (118)), а «корабельщики» (Отк. 18:17), как и купцы, входят в хор скорбящих по Вавилону. Заметим, что существи-

тельное *jilt* — «loose, unchaste woman; harlot», возможно, является сокращением от имени *Gillian*, краткая форма которого, *Jill*, в свою очередь, с середины XV века объединена в пару с *Jack*, фамильярной формой имени *John* [6]. Ругань фигурирует и в «Степи»; «штук пять нехороших слов» (149) служат признаком неглубокого ознакомления с повестью, замысел которой обозначен колодцем [30].

Согласно книге Откровение, покупать и продавать можно только тем, кто имеет имя зверя на правой руке или на челе. Возможно, эту печать, противопоставленную «печати Бога живого» (Отк. 7:2) [20, с. 733], накладывает на бабушку доктор Гарри (бабушка и сама выступает в роли Лекаря) — ср.: «She flicked her wrist neatly out of Doctor Harry's pudgy careful fingers...»; «Doctor Harry spread a warm paw like a cushion on her forehead...» (100); «A warm weight on her forehead, a warm bracelet on her wrist...» (114). Примечательно, что вторая дочь бабушки (см. тж. выше) носит имя «одной женщины по имени Лидия, торговавшей багрянницей» (Деян. 16:14) родом из Фиатиры (Фиатирская церковь — адресат послания Иоанна), которая крестилась во время служения апостола Павла в Филиппах [27]. Фотография Джона с черными (а не с голубыми) глазами вызывает в памяти «образ зверя» (13:14).

Бабушка упоминает плод, который не должен быть растрочен (глагол «waste» употребляется и по отношению к свадебному пирогу); под ним, по-видимому, подразумевается Иисус Христос — в предыдущем абзаце встречается цитата из католической молитвы «Аве Мария». В контексте описания кладовой, уставленной банками и кувшинами, фигурируют бронзовые (ср. Отк. 1:15) часы со львом. «Лев из колена Иудина» (5:5) — «одно из первых имен Мессии» [27, с. 1987], а «животное... подобно льву» (4:7) — часть небесного престола. Упоминание банок с вареньем (*jelly glasses* (104)) и суток, в течение которых лев набирает много пыли, вызывает в памяти образ стеклянного моря и двадцати четырех старцев, однако, разуме-

ется, сниженный иронически. Эти запасы («white stone-china jars with blue whirligigs and words painted on them» — «имена богохульные» (17:3)?) служат параллелью к сосудам с маслом и напоминают товары «купцов земных... [которых] никто уже не покупает...» (18:11). Кладовая фигурирует в непосредственной близости с упоминанием чердака, на котором хранились письма «глупой» бабушки. У графини Драницкой, угощавшей на праздник Рождества «малиной и клубникой» (138), «в голове ветер так и ходит!» (139). Таким образом, «накопительство» связано с неразумностью и оборачивается «расточительством»: «...обирает ее этот Казимир Михайлыч!» (138), — отмечает Кузьмичов (ср. Исх. 16:18).

Оппозиция *избыток/недостаток* выражена «иконически» в образе лавки великоросса: в одной комнате продавались средства труда, в другой — «красный товар и бакалея» (157) [30, с. 158]. «Богато живет» (172) Константин Звоник, который «очень хитро надул» (172) будущую жену. Аналогично «старик» Семен Варламов, подчинивший себе степь: оплодотворить ее он не может. «Обманывает» и Егорушка — «...обманутая степь приняла свой унылый июльский вид» (110) — что, в частности, выражено в равнодушии к рассказу Тоскуновой, соотносимой с «женой, невестой Агнца» (Отк. 21:9), новым Иерусалимом. В этой связи нельзя не упомянуть чудо исцеления св. Георгием отрока-пастуха, ужаленного змеей, который обманул вдову [10, т. 1]. Надежды бабушки Вэзеролл на встречу с Возлюбленным также не оправдались. Этот «обман» служит инверсией теории «Божественного обмана» Григория Нисского — «...ад обманулся, приняв Христа за простого человека, но “проглотив” Самого Бога» [12, т. 1, с. 630]. Мотив поглощения активизируется во фразе: «Да господи, нету ее дома! — сказал он, быстро вынимая изо рта ложку и оглядывая всех радостно и удивленно. — Нету!..» (171). Примечательно, что в изображениях Страшного суда, особенно в скульптуре француз-

ских и немецких средневековых церквей, неразумные девы брошены в пасть Левиафана [18]. Пантелей сопоставляет Варламова с ужом [30].

С рассматриваемой оппозицией тесно связана смерть купцов и косарей. Старший купец (у которого, в конечном счете, оказалось мало денег) «выпил лишнее» (163) — ср. слова убийц из другого рассказа: «...мы это от нужды»» (167). К погибшему косарю привел «кровавый след» (164). Этот образ напоминает о подвиге сказочных богатырей, а именно службу у длиннородого карлика. Зорька (или Медведко) забил бороду старичка в дерево, но тот, оборвав ее наполовину, бежал под землю. Богатыри пустились по кровавому следу и освободили «красавиц, унесенных... вихрем». Под бородой карлика понимают облака, под подземельем — тучи, под кровью — дождь [8, т. 2, с. 362].

Идея освобождения, возрождения (жизнь возрожденной природы ассоциируется в народном сознании с роскошью [8, т. 1]) выражена в фамилии «Фомин» — Фоминой (новой) называется Неделя 2-я по Пасхе, которая была «посвящена воспоминанию о явлении Христа на восьмой день после воскресения апостолу Фоме» и известна в народе как Красная Горка, праздник начала весны. «В Древней Руси... на возвышенностях зажигали костры в честь Дажьбога... <...> ... Устраивали смотрины невест. Элементом празднования Красной Горки было крашение яиц и разнообразные игры с ними» [23, с. 764]. В религиозно-мифологическом сознании смерть отождествлялась с «браком с божеством смерти» [22, с. 252] — раненого купцом косаря «под самым Куриковым... на бугорочке нашли. Сидит на корточках, голову на колени положил, словно задумавшись...» (164). В похожей позе умерла и римская императрица Александра, память которой отмечают в один день с памятью вмч. Георгия (23 апреля): «Севши, она прислонилась головой к стене и предала дух свой Господу» [10, т. 1, с. 1001]. Богослужение в Неделю Фомину посвящено «духовному

обновлению, символизируемому приходом весны». «Тропарь канона навеяны тематикой Слова 44-го святителя Григория Богослова... где говорится: “Царица времен года сопровождает царицу дней и приносит от себя в дар все самое лучшее и прекрасное”» [12, т. 2, с. 534].

Идея весеннего обновления (ассоциируемая с избытком (см. выше)) связана с образом Хепси («...Hapsy melted from within...» (114)). В видении бабушки ее лицо скрыто под белым колпаком; в ближайшем контексте упомянуты лампы под шелковыми абажурами, свет от которых бабушка считает показным. Она пользовалась керосиновыми лампами в течение сорока лет, период странствий израильтян в пустыне (последний играет важную роль и в образности «Степи»); такой же срок прошел со времени ее заболевания родильной лихорадкой. Сочетание *white cap* — *whitescaps* ‘барашки (образующиеся на гребне волны)’ — вызывает в памяти переход через Красное море. Хепси пришла пора рожать. Низвергнутый с неба дракон книги Откровение (см. 12:7–9) пускает вслед женщине, родившей младенца, реку. Змееборческий мотив активизируется в сцене соборования. «Щекотание» пяток вызывает в памяти 15-й стих 3-й главы Книги Бытие, в котором говорится о борьбе между семенем змея и семенем женщины: «...Оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (аналогичный образ встречается в картине купания: Дымов хватал за ногу Кирюху и Егорушку). «По русскому поверью, ведьма, опиваясь молоком, обмирает (= впадает в зимнее оцепенение), и для того, чтобы она очнулась, надо запалить солому и жечь ей пяты, т. е. необходимо развести грозное пламя» [8, т. 3, с. 236].

Во время грозы проявлены «хриstopодобные» признаки Егорушки — ср., например: «...Егорушка... широко расставил руки и ноги и долго не двигался. ...С головы текло...» (185); представлены они и в образе бабушки Вэзеролл: «Her breath crowded down under her ribs and grew into a monstrous fright-

ening shape with cutting edges; it bored up into her head, and the agony was unbelievable» (116) (в обоих случаях упомянута голова). Примечательно, что имя Gillian (см. выше) восходит к Iulianus, связанному, возможно, с Юпитером [6]. В обоих произведениях раскаты грома сопряжены с образом рухнувшей брочки/коляски. Готовая «идти в слом» брочка, покотившая «с громом» (108) по тракту, предвосхищает грозу [30]; в новелле с движением коляски сравнен голос оплакивающей мать Корнелии. Можно предположить, что под этими повозками понимаются как колесницы преследовавших израильтян египтян, так и золотая колесница Аида, на которой, согласно гимну «К Деметре», бог подземного царства похитил Персефону, а Гермес освободил и вернул матери.

Странствия в пустыне, послужившие наказанием за неверность [25], сопоставимы с временным промежутком между первым и вторым пришествиями Иисуса Христа [15]. «Неверность» бабушки по отношению к Джорджу — «“ожидание” — это вера в пришествие Сына Человеческого» [17, с. 145] — позволяет сблизить ее образ с ефесской церковью, оставившей «первую любовь» (2:4). «Сдвинуть светильник может означать отказ Христа признать эту церковь Своей» [20, с. 714].

Оппозиция *спешка/промедление*

Ужин подводчиков перекликается с брачным пиром. «...Все ждут возвращения главного действующего лица...» [11, с. 519] («...покосились на крест, переглянулись и вдруг засмеялись; стало стыдно за свой страх» (169)), которому соответствует «топливо» приближающийся Константин (оппозиция *спешка/промедление* связана с противопоставлением жизни и смерти). Последний брачный пир бабушки Вэзеролл ассоциируется с днем рождения («Whose birthday is it?» (112); «It was like him to... inquire about her soul as if it were a teething baby...» (116)); Harry, имя врача, пришедшего к умирающей, сближаемо со словом *hurry*. Опоздание

жениха связывают с выплатой выкупа за невесту (вено) и подписанием брачного договора [31]. С другой стороны, оно дает «время для раскаяния» [11, с. 528], которым не воспользовалась бабушка («...I'm not so sinful as all that» (116)); ее грех — грех неразумных дев, «отсутствие любви в их сердцах» [11, с. 527]. В «Степи» оппозиция *спешка/промедление* определяется, в первую очередь, материальным интересом, что приводит к ее инверсии: Иван Иваныч, поторопившись, продал триста пудов шерсти N-скому скупщику Макарову и продешевил. Ситуация с продажей Черепахину носит оксюморонный характер: «А мы без тебя тут, пока ты с обозом тащился, все дела под орех разделали. Слава богу! Продали шерсть Черепахину и так, как дай бог всякому...» (190). Фамилия «Макаров» ассоциируется с блаженными Макарийскими островами, «где реки медовые и молочные, а берега кисельные», находящимися «на восточной стороне всесветного океана, где царствует Солнце и цветет вечная весна...» [8, т. 2, с. 65–66] (см. оппозицию *избыток/недостаток*), — ср. фразу Кузьмичова: «...попусту едешь, за семь верст киселя хлебать» (108). Элемент «череп» в фамилии скупщика и сетование Кузьмичова на незнание цен сближает данную оппозицию с оппозицией *мудрость/неразумность*. Примечательно, что верхний щит черепахи был использован богом торговли Гермесом, быстроногим вестником богов в сказании о Девкалионовом потоке, при создании лиры, метафоры грома [8, т. 1, 2] (с Гермесом связано имя Лопахина); «макариос» (блаженный) — свойство громовержца Зевса [19], отца Гермеса. В этом контексте «бодрствующего» купца Варламова можно сблизить с сильным ангелом, держащим в руке раскрытую книжку (Отк. 10), а отсутствующую записку Иванчука — с содержанием того, что «прокартавили» семь громов.

Олицетворением времени, смерти служат часы. Часы графини Драницкой украшены золотым всадником, часы бабушки Вэзеролл — фигурой льва. Представляется, что

и всадник, и лев служат метафорой «Первого и Последнего» (1:17), ссылки на Которого встречаются в обоих текстах: Хепси, последний ребенок, желаемая бабушкой как первая; купец Петр Григорьич в минуту смертельной опасности говорит: «...не я первый, не я последний...» (167).

Заключение

А. П. Чехов и Кэтрин Энн Портер — каждый с высоты своего уникального религиозного опыта — выразили в рассматриваемых произведениях представления о предназначении человека и о его отношениях с окружающими. Основой сопоставительного анализа служат аллюзии к притче о десяти девах, а также реминисценции рассказа об исходе израильтян из Египта и книги Откровение Иоанна Богослова, «ключевой темой... [которой является] мысль о спасении как втором исходе» [20, с. 711].

Аллюзии реализуются посредством взаимозависимых бинарных оппозиций: *бодрствование/сон, мудрость/неразумность, свет/тьма, избыток/недостаток* и *спешка/промедление*. Сон является метафорой духовной бездеятельности. Образ узла, встречающийся в обоих рассматриваемых произведениях, отсылает к притче о бодрствующих рабах; он служит связующим звеном между оппозициями *бодрствование/сон* и *мудрость/неразумность*. С неразумностью, сопоставимой с состоянием неготовности, сопряжен эффект неожиданности, ассоциируемый со вторым пришествием Иисуса Христа. Оппозиция *свет/тьма* также сближена с оппозицией *мудрость/неразумность*; в ее понятийную область входит противопоставление жизни и смерти, зрячести и слепоты; числа пять и шесть и их кратные. Представления о тьме связаны с насекомыми, саранчой, образ которой вызывает в памяти героиню басни Эзопа «Муравей и цикада», и кузнечиком; танец служит метафорой вихря, разгоняющего мрак. Оппозиция *избыток/недостаток* сопряжена с оппозициями *свет/тьма* и *мудрость/неразумность*; противопостав-

лением жизни и смерти; мотивами купли-продажи, возрождения; понятиями накопительства, равнозначного расточительству, обмана. Оппозиция *спешка/промедление* сближаема с противопоставлением жизни и смерти, мудрости и неразумности, избытка и недостатка.

Мудрость приравнивается писателями к милосердию. Главные герои рассматриваемых произведений, один совершив поездку по степи, другая прожив жизнь, такой добродетели не приобрели. Этот вывод представлен по-разному: в «Степи» — в иронически сниженном виде, в новелле Портер — трагически. Егорушка приходит к двум «глубокомысленным» заключениям, взятым в скобки: «старика, только что вернувшиеся из

церкви, всегда испускают сияние» (193) и «все рыжие собаки лают тенором» (197), что служит «отрицанием мудрости и предзнаменованием... кризиса» [30, с. 153–154]. У исследователей творчества Портер сложилось два основных взгляда на развязку новеллы. С одной стороны, «подобно “неразумным девам”, [бабушка] не приняла Христа, и поэтому смерть означает для нее духовный и физический распад»; с другой — аллюзия к притче является «плодом воображения самой бабушки, размышляющей о своей жизни и осуждающей саму себя» [29]. Первое истолкование представляется более обоснованным. Всю свою жизнь бабушка Вэзеролл «копила» обиду, что навсегда закрыло перед ней врата рая.

ИСТОЧНИКИ

1. Американская новелла XX века: сборник / сост. Г. В. Лапина. М.: Радуга, 1989. 590 с.
2. Гоголь Н. В. Мертвые души. М.: Художественная литература, 1964. 399 с.
3. Портер К. Э. Как была брошена бабушка Вэзеролл // Американская новелла XX века: сборник / сост. Г. В. Лапина. М.: Радуга, 1989. С. 100–125.
4. Чехов А. П. Степь // Рассказы и повести. М.: Правда, 1981. С. 106–200.
5. House of names. [Online]. URL: <https://www.houseofnames.com> (accessed 28.03.2021).
6. Online Etymology Dictionary. [Online]. URL: <http://www.etymonline.com> (accessed 28.03.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Андреев М. Л. Средневековая европейская драма: происхождение и становление (X–XIII вв.). М.: Искусство, 1989. 215 с.
8. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. М.: Академический проект, 2013.
9. Долженков П. Н. «Как приятно играть на мандолине!»: о комедии Чехова «Вишневый сад». М.: МАКС Пресс, 2008. 184 с.
10. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святителя Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых: в 3 т. М.: Харвест, 2002.
11. Иларион (Алфеев). Иисус Христос. Жизнь и учение: в 6 кн. Кн. 4: Притчи Иисуса. 2-е изд. М.: Познание; Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 608 с.
12. Иларион (Алфеев). Православие: в 2 т. 4-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012.
13. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1983. 222 с.
14. Катаев В. Б. Чехов плюс...: предшественники, современники, преемники. М.: Языки славянской культуры, 2004. 391 с.
15. Кинер К. Библиейский культурно-исторический комментарий: в 2 ч. Ч. 2: Новый Завет. СПб.: Мирт, 2005. 732 с.

16. Кубасов А. В. Ассоциативный потенциал антропонимов в повести А. П. Чехова «Степь» // Десять шагов по «Степи»: статьи и эссе / под ред. В. К. Зубарева. Idyllwild: Charles Schlacks Jr. Publ., 2017. С. 48–60.
17. *Литеровский Л.* Чудеса и притчи Христовы. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/chudesa-i-pritchi-hristovu> (дата обращения: 28.03.2021).
18. *Майкапар А. Е.* Персонажи, сюжеты, эмблемы, символы и исторические реалии в западноевропейском искусстве. М.: Директ-Медиа. [Электронный ресурс]. URL: https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/104_Maykapar_A_Personazhi_syuzhety_emblemy_simvoly_i_istoricheskie_realii_v_zapadnoevropeyskom_iskusstve (дата обращения: 16.03.2021).
19. *Мамонтов А. Е.* Большая книга имен. Полное исследование: происхождение, история, значение. М.: АСТ, 2017. 479 с.
20. Новый библейский комментарий: в 3 ч. Ч. 3. Новый Завет. СПб.: Мирт, 2001. 751 с.
21. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен: ок. 2600 имен. 2-е изд. М.: Русский язык, 1980. 384 с.
22. *Пронн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 365 с.
23. Русская мифология. Энциклопедия / сост., общ. ред. и предисл. Е. Мадлевской. М.: Эксмо; СПб.: Мидград, 2006. 784 с.
24. *Сацаки Г.* Мак и вишня в «Вишневом саде» // Чеховиана: «Звук лопнувшей струны»: к 100-летию пьесы «Вишневый сад». М.: Наука, 2005. С. 543–553.
25. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III. СПб.: Библия для всех, 2008. 1423 с.
26. *Стоун Д.* Все о драгоценных камнях. СПб.: СЗКЭО, 2009. 176 с.
27. Учебная Библия с комментариями Джона Мак-Артура. Лавс Парк: Славянское Евангельское Общество, 2004. 2201 с.
28. *Щелоков А. А.* Увлекательная нумизматика. Факты, легенды, открытия в мире монет. М.: Эксмо, 2006. 384 с.
29. *Cariappa V., LaMeau M., McNeil B., Richards M., Bissey L. C. et al.* A study guide for Katherine Anne Porter's "Jilting of Granny Weatherall". Detroit: Gale Research Publ., 1997. 36 p.
30. *Finke M. C.* Metapoiesis: The Russian tradition from Pushkin to Chekhov. Durham: Duke University Press, 1995. 221 p.
31. *Kistemaker S. J.* The parables: Understanding the stories Jesus told. Grand Rapids: Baker Books Publ., 2002. 270 p.

SOURCES

1. *Amerikanskaya novella XX veka: sbornik / sost. G. V. Lapina.* М.: Raduga, 1989. 590 s.
2. *Gogol' N. V. Mertvye dushi.* М.: Hudozhestvennaya literatura, 1964. 399 s.
3. *Porter K. A. Kak byla broshena babushka Vezeroll // Amerikanskaya novella XX veka: sbornik / sost. G. V. Lapina.* М.: Raduga, 1989. S. 100–125.
4. *Chehov A. P. Step' // Rasskazy i povesti.* М.: Pravda, 1981. S. 106–200.
5. House of names. [Online]. URL: <https://www.houseofnames.com> (accessed 28.03.2021).
6. Online Etymology Dictionary. [Online]. URL: <http://www.etymonline.com> (accessed 28.03.2021).

REFERENCES

7. *Andreev M. L. Srednevekovaya evropeyskaya drama: proiskhozhdenie i stanovlenie (X–XIII vv.).* М.: Iskusstvo, 1989. 215 s.
8. *Afanas'ev A. N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskih predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov: v 3 t.* М.: Akademicheskiiy proekt, 2013.
9. *Dolzhenkov P. N. "Kak priyatno igrat' na mandoline!": o komedii Chehova "Vishnevyy sad".* М.: MAKS Press, 2008. 184 s.
10. *Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ih-Miney svyatitelya Dimitriya Rostovskogo s dopolneniyami, ob'yasnitel'nymi primechaniyami i izobrazheniyami svyatykh: v 3 t.* М.: Harvest, 2002.

11. *Ilarion (Alfeev)*. Iisus Hristos. Zhizn' i uchenie: v 6 kn. Kn. 4: Pritchi Iisusa. 2-e izd. M.: Poznanie; Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2019. 608 s.
12. *Ilarion (Alfeev)*. Pravoslavie: v 2 t. 4-e izd. M.: Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2012.
13. Kalendarnye obychai i obryady v stranah zarubezhnoy Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev / otv. red. S. A. Tokarev. M.: Nauka, 1983. 222 s.
14. *Kataev V. B.* Chehov plyus...: predshestvenniki, sovremenniki, preemniki. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 391 s.
15. *Kiner K.* Biblejskiy kul'turno-istoricheskiy kommentarij: v 2 ch. Ch. 2: Novyj Zavet. SPb.: Mirt, 2005. 732 s.
16. *Kubasov A. V.* Assotsiativnyj potentsial antroponimov v povesti A. P. Chehova "Step" // Desyat' shagov po "Stepi": stat'i i esse / pod red. V. K. Zubareva. Idyllwild: Charles Schlacks Jr. Publ., 2017. S. 48–60.
17. *Liperovskiy L.* Chudesa i pritchi Hristovy. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/chudesa-i-pritchi-hristovy> (data obrashcheniya: 28.03.2021).
18. *Maykapar A. E.* Personazhi, syuzhety, emblemy, simvoly i istoricheskie realii v zapadnoevropejskom iskusstve. M.: Direkt-Media. [Elektronnyj resurs]. URL: https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/104_Maykapar_A_Personazhi_syuzhety_emblemy_simvoly_i_istoricheskie_realii_v_zapadnoevropejskom_iskusstve (data obrashcheniya: 16.03.2021).
19. *Mamontov A. E.* Bol'shaya kniga imen. Polnoe issledovanie: proiskhozhdenie, istoriya, znachenie. M.: AST, 2017. 479 s.
20. Novyj biblejskiy kommentarij: v 3 ch. Ch. 3. Novyj Zavet. SPb.: Mirt, 2001. 751 s.
21. *Petrovskiy N. A.* Slovar' russkih lichnyh imen: ok. 2600 imen. 2-e izd. M.: Russkiy yazyk, 1980. 384 s.
22. *Propp V. Ya.* Istoricheskie korni volshebnoj skazki. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1986. 365 s.
23. Russkaya mifologiya. Entsiklopediya / sost., obshch. red. i predisl. E. Madlevskoy. M.: Eksmo; SPb.: Midgrad, 2006. 784 s.
24. *Sasaki G.* Mak i vishnya v "Vishnevom sade" // Chehoviana: "Zvuk lopnuvshey struny": k 100-letiyu p'esy "Vishnevyy sad". M.: Nauka, 2005. S. 543–553.
25. Slovar' biblejskih obrazov / pod obshch. red. L. Raykena, D. Uilhoyta, T. Longmana III. SPb.: Bibliya dlya vseh, 2008. 1423 s.
26. *Stoun D.* Vse o dragotsennyh kamnyah. SPb.: SZKEO, 2009. 176 s.
27. Uchebnaya Bibliya s kommentariyami Dzhona Mak-Artura. Lavs Park: Slavyanskoe Evangel'skoe Obshchestvo, 2004. 2201 s.
28. *Shchelokov A. A.* Uvlekatel'naya numizmatika. Fakty, legendy, otkrytiya v mire monet. M.: Eksmo, 2006. 384 s.
29. *Cariappa V., LaMeau M., McNeil B., Richards M., Bissey L. C. et al.* A study guide for Katherine Anne Porter's "Jilting of Granny Weatherall". Detroit: Gale Research Publ., 1997. 36 p.
30. *Finke M. C.* Metapoesis: The Russian tradition from Pushkin to Chekhov. Durham: Duke University Press, 1995. 221 p.
31. *Kistemaker S. J.* The parables: Understanding the stories Jesus told. Grand Rapids: Baker Books Publ., 2002. 270 p.